

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ | TOPICAL ISSUES

«Прекрасное далеко»? Искусственный интеллект и международные преступления

А. П. Евсеев*

Российский государственный университет правосудия, Москва, Россия

apevseev@gmail.com ORCID: 0000-0003-0697-0086

Аннотация

В статье рассматриваются перспективы международно-правового регулирования смертоносных автономных систем вооружений — «нового слова» на рынке оружия. Анализируются специфические сущностные свойства данных систем, а также наиболее распространенные подходы к вопросу об определении субъектов, ответственных за их неправомерное использование. Приводится описание военно-тактических характеристик смертоносных автономных систем, подчеркивается их отличие от обычных видов вооружений, в том числе способность систем самостоятельно определять и атаковать цель. Автор раскрывает различные подходы к вменению ответственности за действия таких систем. Констатируется нецелесообразность наделяния последних самостоятельной правосубъектностью, несмотря на определенную автономность от воли человека-оператора, которой они обладают. Детально анализируются аргументы сторонников запрета смертоносных автономных систем, выдвинутые Международным Комитетом Красного Креста и рядом неправительственных организаций. Дебатируется возможность приравнивания систем к уже существующим субъектам права, в частности юридическим лицам. В итоге автор констатирует необходимость сохранения в их отношении «значимого человеческого контроля». В свою очередь, это даст возможность вменить содеянное тем субъектам правоотношений, которые в состоянии нести уголовную ответственность по международному праву. В завершение делается неутешительный вывод о том, что стремление поставить данный вид вооружений на конвейер вопреки опасности, которая в нем заключена, свидетельствует о дегуманизации современного общества и, в определенной степени и до определенных пределов, утрате им человеколюбия.

Ключевые слова: искусственный интеллект, международные преступления, смертоносные автономные системы вооружений, международное гуманитарное право, «электронное лицо», «ответственность» робота

Для цитирования: Евсеев А. П. «Прекрасное далеко»? Искусственный интеллект и международные преступления. *Журнал ВШЭ по международному праву / HSE University Journal of International Law*. 2025. Том 3. № 1. С. 4–28.

* Александр Петрович Евсеев — доцент кафедры международного права, кандидат юридических наук.

“Beautiful future”? Artificial intelligence and international crimes

A. Evseev*

Russian State University of Justice, Moscow, Russia

apevseev@gmail.com

ORCID: 0000-0003-0697-0086

Аннотация

The article examines the prospects for international legal regulation of autonomous weapon systems, which are considered a “new word” in the arms market. The specifics of these systems are analysed, as well as the most common approaches to who should bear responsibility for their unlawful use. The military-tactical characteristics of autonomous weapon systems are described and their difference from conventional weapons is emphasised, including the specific feature that they independently select a target and make a decision to destroy it. The article identifies various approaches to attributing responsibility for the actions of such systems. It argues that it is inappropriate to grant the latter an independent legal personality, despite the degree of autonomy they possess from the will of the human operator. The arguments of supporters of the ban on autonomous weapon systems put forward by the International Committee of the Red Cross and a number of non-governmental organisations are analysed in detail. The possibility of equating these systems with legal entities or other subjects is debated. Ultimately, the author concludes that it is necessary to maintain “meaningful human control” over them. In turn, this will make it possible to impute the actions of these systems to those subjects of legal relations who are capable of bearing criminal responsibility under international law. Finally, the disappointing conclusion is drawn that the desire to put this type of weapon “on the conveyor belt” despite the danger it possesses, is a clear sign of the dehumanisation of modern society.

Key words: artificial intelligence, international crimes, autonomous weapon systems, international humanitarian law, electronic person, “the responsibility of robot”

Citation: Evseev A. P. “Beautiful future”? Artificial intelligence and international crimes. *HSE University Journal of International Law*. 2025. Vol. 3. No 1. P. 4–28.

* **Alexander P. Evseev** — associate professor at the chair of international law, candidate of sciences in law.

Введение

Целью статьи является исследование природы смертоносных автономных систем вооружений с тем, чтобы наметить наиболее эффективные пути их регулирования с позиций международного гуманитарного права, закрыть «лакуну безнаказанности», образовавшуюся вследствие того, что в силу автономного, то есть не зависящего от воли человека, характера этих систем, остается неясным субъект ответственности за содеянное ими, а также проанализировать наиболее распространенные точки зрения на данную проблему в отечественной и зарубежной доктрине.

Исследование проведено с использованием общенаучных *методов* познания, в частности анализа и синтеза, а также сравнительно-правового, историко-правового и формально-догматического методов.

Вооруженные конфликты последних лет (война в секторе Газа, специальная военная операция Вооруженных Сил Российской Федерации на территории Украины и ряд других) поставили перед юридической наукой и практикой вопросы, осмысление которых еще недавно казалось уделом писателей-фантастов: повсеместное использование беспилотных летательных аппаратов (далее — БПЛА), способных не только картографировать местность, но и сбрасывать смертоносные грузы и поражать живые цели, разного рода роботизированные машины разминирования, и, наконец, «звездные войны» (возможность использования для боевых целей коммерческих спутников связи «Старлинк», выведенных на низкую орбиту) (Широкопад, 2024, с. 147–226). Словом, все то, что именуется «новыми разрушительными технологиями» (Батурин, 2024, с. 13).

Однако наиболее ожесточенные дискуссии в научных кругах и среди правозащитников развернулись вокруг так называемых смертоносных автономных систем вооружений (далее — САС), способных не только в доли секунды поражать заданные цели, но и самостоятельно — без участия человека — принимать решение о нанесении удара. К их числу относят израильский самолет-снаряд «Гарпия», систему обороны «Фаланкс» (Зауэр, 2021, с. 312), в ряде источников — американские ракеты «Пэтриот» (Hassan, Osman, 2023, p. 466) и другие. В литературе можно даже встретить утверждение, что появление САС знаменует собой третью революцию в военном деле после изобретения пороха и атомного оружия (Sauer, 2021, p. 237). И хотя повсеместное использование данных технологий, по-видимому, — дело будущего, нет никаких сомнений в том, что в следующих войнах они получат еще более широкое распространение, чем сегодня. А это, в свою очередь, ставит под вопрос многие представления современного уголовного права, включая международное,

размывая понятия преступления и наказания, а также установление самого субъекта ответственности (им не может быть машина, хотя бы и «умная», поскольку ее заключение в тюрьму не имеет смысла). Говоря словами Ч. Ломброзо, всякое новое крупное изобретение или открытие с не меньшей точностью отмечается в кодексах уголовных законов, чем в регистрационных книгах патентных бюро (Люблинский, 1930, с. 165).

Анализ правового статуса САС, сопутствующий рассмотрению проблематики ответственности по международному уголовному праву, предполагает изучение следующих вопросов: 1) специфика этих систем, отличающая их от иных видов вооружений; 2) анализ наиболее распространенных точек зрения на предмет того, кто должен нести ответственность за их использование в нарушение стандартов международного гуманитарного права (производитель, оператор, политические руководители, военачальники и т. д.); 3) целесообразность назначения наказания за неправомерное использование САС при понимании того, что перед нами — искусственный интеллект (далее — ИИ), а не живой человек.

1. Военно-тактические особенности САС, значимые для международного гуманитарного права

Еще в 80–90-е годы прошлого столетия, на заре вторжения компьютеров в сферу управления, в юридической доктрине был поставлен вопрос о «методе двух интеллектов», учитывающем наличие у вычислительных систем ИИ способности сознать, предвидеть и желать наступления определенных результатов (Суханов, 1990, с. 72–73). Иными словами, компьютеры начали рассматриваться не только как модное средство оргтехники, но и как орудие формализации некоторых мыслительных операций, безоговорочно относимых ранее к неприкосновенной сфере внутреннего судейского убеждения. Появились первые публикации о «машинном правосудии», при отправлении которого компьютерная программа помогает судье спрогнозировать исход уголовного дела, составить проекты соответствующих решений и т. д. (Головко, 2021, с. 32).

Тогда эта идея не прижилась, хотя бурное развитие информационных технологий, произошедшее двадцатью годами позже, значительно обогатило практики, связанные с осуществлением правосудия. Достаточно назвать появление электронных баз данных (ярчайший тому пример — «КонсультантПлюс»), возможность проведения судебных заседаний по видео-конференц-связи, подачу искового заявления в электронной форме и т. д. Однако роль и функции человека-судьи остались, в сущности, теми же, что и столетие назад. По меткому замечанию Л. В. Головко, возможность читать А. С. Пушкина не только в книжном варианте, но и на

электронном носителе ничего не изменила по сути (А. С. Пушкин при этом не превращается в какого-то нового поэта) (Головкин, 2019, с. 18). Точно так же протокол может быть написан гусиным пером, шариковой ручкой, отпечатан на пишущей машинке, составлен в электронной форме, однако техника изготовления никак не влияет на сущность протокола.

Сказанное, к сожалению, неприменимо к новейшим видам вооружений. Прогресс науки и техники буквально поставил человечество на грань физической и моральной катастрофы¹. Ядерная опасность, химическое оружие, война в космосе — все это заставило науку международного уголовного права оперативно реагировать на вызовы времени, добиваться криминализации новых деяний (экоцида, посягательства на национально-культурное наследие народов и т. д.), приспособлять уже существующие теоретические конструкции ко все возникающим формам международной преступности (Карпец, 1979). Но как бы то ни было, субъектом всех злодеяний оставался человек, физическое лицо, совершившее преступление по международному праву и достигшее определенного возраста (например, согласно Римскому статуту Международного уголовного суда — 18 лет). Попытки же признать юридическое лицо субъектом ответственности не увенчались успехом, и вопрос о возможности такого признания по международному уголовному праву стал дискуссионным (Евсеев, 2022, с. 105–112). Появление САС, по нашему убеждению, опрокидывает существующую парадигму. Что же нового они вносят в военное дело и, как следствие, в международно-правовую жизнь?

САС определяются как системы, способные без вмешательства человека выбирать и поражать цели. Автономная система состоит из системы управления движением и системы управления летальным оружием (Скуратова, Королькова, 2019, с. 23). Причем эксперты Международного Комитета Красного Креста (далее — МККК) подчеркивают, что сначала человек активизирует или вводит САС в действие, после чего она самостоятельно запускается или наносит удар, реагируя на информацию, полученную датчиками извне, и полагаясь на обобщенный «профиль цели». В свою очередь, это означает, что оператор не выбирает конкретную цель и даже не знает, в отличие от случаев применения химического или ядерного оружия, какая именно цель была выбрана, не знает он и точного времени и/или места, где будет применена сила (МККК, 2022, с. 445). Тем

¹ Симптоматично, что так называемые «Часы Судного дня», изображенные на обложке американского «Бюллетеня ученых-атомщиков», начиная с 2023 года показывают 1 мин. 30 сек. до полуночи, символизирующей ядерную катастрофу (для сравнения: в 1947 году часы показывали 7 мин. до полуночи).

самым, в отличие от обычного оружия, он оказывается «вне контура управления» (англ.: *man out of the loop*).

В то же время в военно-теоретических трудах выделяют различные степени автономности, которые в той или иной мере требуют участия оператора: 1) ИИ предлагает альтернативные цели, оставляя последнее слово за оператором; 2) ИИ самостоятельно выбирает цель, но оператор должен ее подтвердить; 3) ИИ выбирает и самостоятельно определяет цель, но оператор вправе отменить атаку; 4) ИИ самостоятельно избирает цель и наносит по ней удар без согласования с кем бы то ни было (Acquaviva, 2022, p. 96). Строго говоря, последний случай и считается САС в узком смысле этого слова, однако в литературе иногда к таковым относят и более ранние модификации, требующие в той или иной степени участия оператора (англ.: *man in the loop*), например, БПЛА «Рипер».

Специфическая природа САС обуславливает многочисленные риски и моральные дилеммы, с которыми неизбежно придется столкнуться в случае применения такого оружия. Ключевой вопрос: сможет ли САС отличить комбатанта, то есть законную военную цель, от гражданского лица?

Этот сюжет уже встречался в практике международных судов, в частности в деле *Ханан против Германии* («кундузское дело»), рассмотренном Европейским Судом по правам человека (далее — ЕСПЧ). Его суть сводилась к тому, что немецкие силы в Афганистане, действуя по наводке американского БПЛА, нанесли удар по захваченному талибами бензовозу, вследствие чего погибли 91 и были ранены 11 мирных жителей, не имевших никакого отношения к террористам, а всего лишь случайно оказавшихся рядом². В этом деле ЕСПЧ в итоге пришел к выводу, что немецкими властями не было допущено нарушение статьи 2 (право на жизнь) Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года в ее процессуально-правовом аспекте (обязанность не «результата», а «средств» расследования).

Но использование САС, несравненно более разрушительных, чем обычный беспилотник-разведчик, вызовет к жизни дополнительные проблемы. Например, что делать в случае, если в программу разработчиков вкралась ошибка и САС открыла огонь по своим? Ведь подобное возможно даже в тех сферах, которые осваивались человечеством на протяжении десятилетий и в которых применяются жесткие стандарты безопасности и охраны труда (АЭС и проч.) (Зауэр, 2021, с. 321). В связи с этим отнюдь не шокирующей выглядит промелькнувшая в российской литературе информация о том, что в 2013 году из более чем двух тысяч

² Подробнее см.: *Hanan v Germany* [2016] ECtHR App no 4871/16.

операторов БПЛА «Рипер», который приближается по своим боевым качествам к САС, 25 человек добровольно свели счеты с жизнью. Печальный исход объясняется большой погрешностью полученных в ходе авиаразведки данных, вследствие чего более половины погибших составили гражданские лица (Широкоград, 2024, с. 200). Хотя в упомянутом деле Ханана немецкий полковник через своего подчиненного как минимум семь раз связывался с осведомителем из числа афганских моджахедов, дабы убедиться в том, что поблизости нет мирных жителей (§ 38 постановления), избежать трагедии все равно не удалось.

Эту же проблему поднимает решение высшего административного суда земли Северный Рейн — Вестфалия от 19 марта 2019 года по так называемому «йеменскому делу», признавшее Германию, наряду с США, ответственной за ущерб, нанесенный неизбирательными атаками американских дронов на йеменских хуситов, которые координировались с немецкой авиабазы «Рамштайн» (Eser, 2021, p. 237–257).

Использование САС становится еще более сомнительным, если знать предысторию их появления на свет. Предшественниками САС были дроны-убийцы, которые стали широко применяться США для ликвидации исламских экстремистов, например У. бен Ладена (англ.: *targeted killings*). При этом главным движущим фактором, заставившим обратиться к столь экзотическому по меркам начала нулевых способу убийства, стали многочисленные скандалы, сотрясавшие американскую администрацию из-за пыток в Гуантанаме. Поэтому, как указывал С. Холмс, ЦРУ и Пентагон приняли решение отслеживать и уничтожать подозреваемых с целью избежать незаконных методов задержания и допроса (Холмс, 2013, с. 141). Причем если во времена Дж. Буша-младшего, по свидетельству самих операторов БПЛА, никто не обращал внимания на сопутствующий ущерб, то уже при его преемнике ситуация стала меняться к лучшему. Окончательное решение об использовании БПЛА для ликвидации террористов принимал Б. Обама: осознавая, что побочными жертвами удара могут стать мирные жители, в том числе женщины и дети, он считал, что нанесение ударов по живым целям возможно только при наличии его президентской санкции (Великович, Стюарт, 2024, с. 184–185). Говоря словами упомянутого выше С. Холмса, «президент беспилотников» пришел на смену «президенту Гуантанаме» (Холмс, 2013, с. 150).

Уместно напомнить, что к концу президентства Обамы в робототехнике произошел прорыв, последствия которого стали очевидны для всего мира уже в ходе текущих войн. Речь идет о так называемой тактике «роения» — проведении атак с нескольких позиций с последующей перегруппировкой. БПЛА, независимо от оператора, имитируют поведение пчел, стрекоз, стаи

птиц, автономно перестраивая свое местоположение в воздухе, собираясь из маленьких устройств в крупные комплексы и распадаясь вновь на автономные единицы (Овчинский, 2020, с. 163). Это необходимо для того, чтобы рассеять внимание сил ПВО противника, вызвав «разбазаривание» их мощностей на множество мелких целей, которые могут быть созданы даже в кустарных условиях. Иными словами, целей будет настолько много, что враг заведомо не сможет поразить их все. Но в случае обмана сил и средств ПВО подобного рода самоуправляемые дроны опять-таки могут скинуть свой смертоносный груз на гражданские объекты, что не раз имело место в ходе нынешнего российско-украинского противостояния.

2. Дискуссия о легальности использования САС

Описанные выше характеристики САС обусловили раскол во мнениях ученых-международников по вопросу о том, следует ли запретить использование САС во время боевых действий. Основные позиции таковы: 1) следует прямо и недвусмысленно отказаться от непредсказуемых САС именно из-за их неизбирательного действия; 2) следует отказаться от их использования для нанесения ударов по живой силе; 3) конструктивные особенности тех САС, использование которых не будет запрещено, а также порядок их применения должны подлежать регулированию (МККК, 2022, с. 446–447).

Полагаем, что наука имеет свою логику эволюции. Поэтому задача заключается не в том, чтобы попытаться затормозить ее развитие, а в том, чтобы выработать нравственные, правовые, экономические механизмы предотвращения пагубного воздействия ее достижений на человека. В связи с этим уместно обратиться к анализу аргументации, которой оперируют противники САС.

Морально-этический аргумент: жизнь и здоровье человека не могут быть поставлены в зависимость от бездушных устройств. Иначе говоря, «алгоритмы — машинные процессы не должны решать, кому жить, а кому умереть» (МККК, 2022, с. 456). В подтверждение этой позиции обычно приводят нашумевшее решение Федерального конституционного суда (далее — ФКС) ФРГ 2006 года о праве сбивать самолеты. После трагических событий 11 сентября 2001 года в немецкий Закон об авиационной безопасности была внесена норма, дававшая право войскам ПВО сбивать воздушные суда, захваченные террористами. В процессе рассмотрения дела ФКС пришел к выводу: обжалуемая норма противоречит Конституции, помимо прочего, на том основании, что заложники, находящиеся на борту захваченного судна, в данном случае

становятся исключительно объектами, ибо государство лишает их жизни ради спасения других людей, тем самым отказывая им в человеческой ценности. «Использование их уничтожения в качестве средства для спасения других людей, — говорится в решении, — превращает их в предмет и лишает их прав, поскольку государство в одностороннем порядке распоряжается их жизнями, которые, будучи жертвами, сами нуждаются в защите» (Швабе, Гайсслер, 2018, с. 48). Аналогичный подход используется сторонниками запрета САС как оружия, несовместимого с человеческим достоинством.

Логика рассуждений здесь следующая. У человека есть свобода нравственного выбора и чувство ответственности, которыми он руководствуется в своих поступках и действиях, в то время как у неодушевленных предметов (например, машин и программного обеспечения) их нет. В свою очередь, сохранение за человеком свободы выбора требует возможности обдумать ситуацию и принять решение на основании сделанных им выводов. В ином случае можно сказать, что не было ни ответственного и этичного принятия решения, ни признания человеческого достоинства тех, кто стал объектом нападения или пострадал от него (МККК, 2022, с. 456).

Однако этот аргумент отчасти снимается следующими соображениями. Подверженность человека эмоциям — скорее недостаток, нежели достоинство при принятии морально ответственных решений. САС по мере своего развития будут приобретать все более точный и совершенный характер, тогда как человек-оператор останется тем же: рискующим неправильно интерпретировать полученные сведения, подверженным утомлению и стрессу, и т. д. Отчасти эти соображения созвучны тем, которые выставляют сторонники внедрения автономно управляемых автомобилей: последние демонстрируют быстрый прогресс, тогда как способности водителей по управлению транспортными средствами остаются неизменными (Румянцев, 2023, с. 19).

Технический аргумент: не совсем ясно, до какого уровня дошли технические испытания и боевое применение САС в различных государствах. Во многом эта информация остается засекреченной. Судя по сообщениям СМИ, лидируют здесь США и Израиль, использующий в ходе нынешнего противостояния с ХАМАС программу «Лаванда» с применением алгоритмов ИИ, отличающуюся высокой погрешностью. Возможно, в этом контексте следует упомянуть Китай и Россию. Наверняка соответствующие разработки ведутся в государствах — членах Европейского союза, прежде всего Германии и Великобритании (Бегишев, 2023, с. 73). Когда эти технологии, революционные по своему характеру, будут приняты на вооружение и начнется их массовое применение в бою, они успеют

погубить несметное количество невинных жизней, прежде чем будут выявлены и исправлены дефекты, поскольку они присущи вообще любой технике. Но если в XX веке на многочисленные жертвы первых лет применения новых вооружений (тех же цеппелинов) человечество привычно закрывало глаза, то в XXI веке, начертавшем на своих знаменах принцип гуманизма, мириться с подобным уже нельзя. А то, что такие дефекты будут, видно на примере тех же ударных квадрокоптеров, оснащенных системами распознавания лиц, которые применялись американцами при ликвидации лидеров террористического подполья. Бывший президент США Б. Обама с горечью констатировал, что только один из четырех убитых БПЛА был уничтожен намеренно (Холмс, 2013, с. 144). Это означает скрытое признание того факта, что удары БПЛА, вероятно, уничтожают лишь похожих на террористов людей на основе косвенных доказательств.

Вот что пишет в своей нашумевшей книге «Дрон-убийца» оператор боевого беспилотника К. Стюарт: «“Предаторы” (умный вид БПЛА. — *Примеч. авт.*) были технологическим чудом, но они все еще оставались всего лишь техникой, и я знал, что в любую секунду что-то может пойти не так. Камера может выйти из строя без причины, или крылья дрона могут обледенеть из-за низких температур... Одно неверное движение или технологическая ошибка, и все наши усилия будут сведены на нет» (Великович, Стюарт, 2024, с. 229). Это говорится о беспилотниках, которые, в общем-то, уже четверть века осваиваются человечеством и в военных, и в сугубо мирных целях. Что же говорить о сложнейших системах поражения целей, которые сами будут выбирать жертву, принимать решение о нанесении удара и уничтожать ее. Сколько человеческих жизней придется положить на алтарь освоения новой техники, прежде чем ее использование войдет в нормальную колею?

Но и этот аргумент может быть поставлен под сомнение. Использование САС со временем снизит потребность в пехоте, на долю которой приходится основное количество потерь в любом вооруженном конфликте. Не исключено, что уже к концу текущего века человечество придет к борьбе роботов, своего рода «войне машин», воспетой Г. Уэллсом и другими писателями-фантастами. Она освободит от воинской повинности миллионы мужчин, а сражаться будут САС и их аналоги. Причем высказанное соображение имеет также менее умозрительное обоснование: даже частичное замещение личного состава САС все равно представляет собой более гуманный способ ведения войны, чем бесконечные сухопутные операции. Использование САС прежде всего позволит сохранить жизни «своих» солдат, пусть пока и не давая возможности

полностью купировать «издержки» в виде сопутствующей гибели мирного населения со стороны противника (Бегишев, 2023, с. 73). Помимо прочего, снимается проблема психологической реабилитации военнослужащих, появления у них «вьетнамского синдрома» и т. д., поскольку всю «грязную работу» за них будут делать бездушные и аполитичные роботы, щадя тем самым солдатскую психику.

Наконец, *юридический аргумент* противников внедрения САС состоит в том, что с точки зрения международного гуманитарного права (далее — МГП) важнейшим недостатком данных систем является непредсказуемость и обезличенность субъекта ответственности за их неправомерное использование. Как отмечают эксперты МККК, «если люди, ответственные за применение САС, не смогут разумно предвидеть, что именно вызовет срабатывание этой системы, то они не смогут контролировать и ограничивать последствия ее применения, как того требует МГП... Говоря конкретнее, если функционирование САС непрозрачно, то люди, на которых возложена ответственность за применение норм МГП... будут не в состоянии разумно определить, является ли эта система законной с точки зрения МГП» (МККК, 2022, с. 454–455).

Ниже мы рассмотрим основные модальности ответственности, которые предлагаются в литературе, однако даже на этот аргумент нашли свои доводы *contra*. Самый легкий путь преодоления «лакуны безнаказанности», о которой говорит Красный Крест, — признать саму роботизированную систему «электронным лицом», субъектом права, способным нести юридическую ответственность. Кроме того, в отношении любой системы вооружений никогда нельзя со стопроцентной уверенностью определить уровень ее зависимости от контроля со стороны человека (Зауэр, 2021, с. 310). Если руководствоваться логикой правозащитников, то в таком случае следует отказаться от любых современных видов вооружений и перейти к палкам, ножам и, как исключение, к огнестрельному оружию, которое, впрочем, тоже может «обмануть» своего владельца и дать осечку.

Между тем даже в сложнейших системах современного ядерного оружия, построенных на принципе «двойного кодирования», где кем-то отданный приказ должен быть перепроверен должностным лицом высшего ранга, присутствует определенная степень человеческого контроля. Более того, человек может послушаться преступного приказа, когда как машина никогда этого не сделает. Ярчайшим примером здесь может служить широко известный «казус Петрова». В 1983 году, в разгар холодной войны, советская спутниковая система раннего оповещения приняла учения НАТО «Эйбл Арчер» за применение тактического ядерного оружия. Наша страна должна была мгновенно нанести ответный ядерный удар, однако

подполковник С. Петров решил, что тревога ложная, и передал вышестоящему командованию отбой, предотвратив тем самым ядерный апокалипсис (Даунинг, 2023, с. 175–179). Стоит ли говорить, что в случае с САС их достоинство (свобода от человеческого фактора) в аналогичной ситуации обернулось бы непоправимой трагедией.

С учетом позиции МККК, множество неправительственных организаций (*Stop Killer Robots!*, Article 36 и др.), филантропы и организаторы IT-производств И. Маск и С. Возняк, многие другие лидеры общественного мнения делают все возможное, чтобы добиться запрета дальнейшей разработки САС путем распространения на них действия Конвенции о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие 1983 года (далее — КНО). Начиная с 2019 года состоялось несколько раундов переговоров по этой проблеме, однако достичь консенсуса пока не удалось и, принимая во внимание нынешнюю «зиму в области контроля вооружений» (Зауэр, 2021, с. 305–306), вряд ли удастся в обозримом будущем. В частности, в прошлом году Россия проголосовала против резолюции «САС вооружений» L.77 на 79-й сессии Генассамблеи ООН по той причине, что возможные дебаты должны вестись исключительно на площадке, созданной в рамках КНО Группы правительственных экспертов по САС; перенос же этой дискуссии на другие площадки, в том числе ООН, или запуск параллельных процессов с точки зрения МИД РФ представляется контрпродуктивным³.

Вместе с тем не стоит рисовать картину сугубо в мрачных тонах. За годы дискуссий удалось сделать немало, в частности принять на 6-й Обзорной конференции КНО (Женева, 13–17 декабря 2021 года) 11 руководящих принципов в отношении САС. К ним относятся следующие: в их отношении полностью продолжает применяться МГП; ответственность человека за решение по их использованию должна быть сохранена; ответственность за последствия использования САС должна быть обеспечена в соответствии с международным правом, включая установление «цепочки командования и контроля со стороны людей»; государствам необходимо решить в соответствии с их международными обязательствами, при каких обстоятельствах применение САС для них неприемлемо; следует принимать в расчет риск попадания этого оружия в руки террористов и т. д.⁴

³ URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/1979940/.

⁴ URL: https://ccdcoe.org/uploads/2020/02/UN-191213_CCW-MSP-Final-report-Annex-III_Guiding-Principles-affirmed-by-GGE.pdf.

Таким образом, перед нами самые общие рекомендации, которые пока не дают возможности заключить зарождающийся вид вооружений в жесткие правовые рамки, однако они задают вектор дальнейшего международно-правового регулирования САС и, главное, очерчивают контуры полемики об ответственности за их неправомерное использование.

3. За международные преступления — «электронная ответственность»?

Итак, наиболее радикальным — если не сказать экзотическим — выходом из ситуации видится наделение САС самостоятельной правосубъектностью, позволяющей отвечать за преступления по международному праву. Фактически речь идет о формировании нового вида юридической ответственности — электронной, и появлении нового субъекта права — «электронной личности» с набором определенных прав и обязанностей.

Эта идея не так абсурдна, как может показаться на первый взгляд. Более того, в докладе Комитета по правовым вопросам Европарламента 2017 года содержится призыв наделить самых развитых роботов и ИИ таким статусом (п. 8)⁵.

В современных постгуманистических исследованиях, действительно, уделяется много внимания идее конвергенции прав человека, животных и роботов. Так, братья наши меньшие уже наделены ограниченной правосубъектностью в некоторых странах. Например, в Швейцарии, которая пошла далее всех в правовой защите животных. В 2002 году в Гражданский кодекс (далее — ГК) этого государства была внесена норма, определяющая животных как существа, а не вещи (в 2009 году соответствующее положение «доросло» до конституционного уровня) (Медушевский, 2024, с. 179). В Новой Зеландии, традиционно уделяющей большое внимание вопросам экологии, субъектами права признаются земли и реки. В 2015 году судья в Аргентине счел орангутана физическим лицом (хотя в 2022 году американский суд отказал в правосубъектности слону по кличке Хэппи) (Swart, 2023, р. 597). Как заметил А. Г. Румянцев, в правовой реальности немало иных явлений, претендующих на обособленный статус, например, прошлые и будущие поколения людей (ГК может охранять права зачатого, но еще не родившегося ребенка, а Уголовный кодекс — устанавливать ответственность за осквернение мест погребения усопших) (Румянцев, 2023, с. 16).

⁵ URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/A-8-2017-0005_EN.html.

Субъектами права иногда признаются даже духи и подобные трансцендентальные явления. Например, в Индии согласно прецедентному решению Высокого суда Бомбея по делу *Pramatha Nath Mullick v. Pradyumna Kumar Mullick* (1925) индуистские идолы признаются юридическими лицами, причем в интересах идола в суде выступает человек, на попечении которого находится идол и который наделяется правами управляющего по аналогии с правами управляющего имуществом несовершеннолетнего наследника (Гаджиев, Войниканис, 2018, с. 31).

Ожидаемым образом столь радикальный подход к решению вопроса о правосубъектности натолкнулся на ряд возражений. В наиболее концентрированном виде они изложены в докладе председателя Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькина на XII Петербургском международном юридическом форуме. Во-первых, обозначенное антропоморфическое направление в юриспруденции, во всяком случае пока, является не магистральной, а маргинальной линией развития, а потому не может претендовать на универсальность. Во-вторых, стоит помнить, что человек — существо социальное. «Можем ли мы утверждать, — вопрошает В. Д. Зорькин, — что ИИ подобен человеку и обладает неотъемлемым от состояния субъектности в сфере права соответствующим набором практических навыков и стереотипов поведения в обществе, формируемым человеком в рамках всего спектра его социального взаимодействия? Отрицательный ответ на поставленный вопрос очевиден»⁶.

В самом деле, человек остается человеком лишь тогда, когда сохраняет (и реализует в собственной деятельности) связь с культурой как сгустком опыта предыдущих поколений, с их овеществленным творчеством, с историей, которая, выражаясь языком бихевиористов, опосредует «реакцию» на соответствующие «стимулы». Человек не просто, подобно примитивному автомату, «отвечает» на подаваемые извне «команды», его ответ корректируется культурой, моралью, знанием собственного прошлого и прошлого своего народа.

В. Д. Зорькин выдвигает аргументы и сугубо уголовно-правового характера. У ИИ нет ни субъективной стороны, вины как внутреннего психического отношения к совершенному деянию, ни обособленного имущества, принадлежащего ему на каком-либо вещном праве, из которого впоследствии может быть возмещен ущерб⁷. И с этим сложно не согласиться.

⁶ URL: <https://ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=98>.

⁷ Там же.

Не секрет, что уголовное право, включая его международную составляющую, зиждется на принципах автономии человеческой личности и свободе ее воли, уходящих корнями в философию немецкого идеализма. Отсюда, кстати сказать, берут свое начало концепции «ответственности за выбор жизненного пути» и т. п., которыми социологическая школа уголовного права обосновывает необходимость борьбы с закоренелыми преступниками помимо совершенных ими преступлений (наказывается не само деяние, а как бы порочный образ жизни) (Роксин, 1986, с. 23). Однако о какой «свободе воли» может идти речь в случае с ЭВМ, реакции и само существо которой достаточно жестко детерминировано ее разработчиками и программным обеспечением? Если воспользоваться выражением того же В. Д. Зорькина, «все, на что будет способна машина, закладывается в нее изначально человеком, — ошибка системы суть ошибка ее создателя»⁸.

Добавим к сказанному, что в мире до сих пор не выработан единый подход к ИИ. Например, в «Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года», утвержденной указом Президента РФ от 10 октября 2019 года, он определен как «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их»⁹. Однако говорить о полной автономии нет оснований. В случае с САС их должен кто-то активировать, а когда, например, мы говорим об автономных марсоходах, то, по свидетельству космонавта Ю. М. Батурина, имеющего к тому же степень доктора юридических наук, те все равно должны получить команду от человека-оператора («двигайся к тому валуну»), а значит, они уже не полностью автономны. Просто по пути к указанному валуну марсоход будет автономен в том смысле, что должен самостоятельно обнаруживать препятствия и избегать их (Батурин, Полубинская, 2022, с. 143).

Если обратиться к примеру с марсоходом, то напрашивается еще одно соображение. В специальной литературе указывается, что марсоходы благодаря своей технологической оснащенности и лазерным локаторам способны двигаться по поверхности планеты и проводить манипуляции камнями, которыми там обильно усеяна твердь. Но если представить, что на Марсе сохранились неизвестные нам высшие формы жизни («есть ли жизнь на Марсе?» — вошедший в анекдоты «проклятый вопрос» советских астрофизиков), то такой марсоход начнет взаимодействовать и с ними как с

⁸ Там же.

⁹ URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731>.

камнями (Иванов, 1978, с. 167). Сказанное во многом играет на руку сторонникам запрета САС: работа еще можно технически обучить способности отличать гражданское лицо от комбатанта по внешним признакам, но будет ли он в состоянии разобраться с более сложными случаями, когда, например, комбатант сложил оружие и не собирается более участвовать в боевых действиях, превратившись, в терминах МГП, в «покровительствуемое лицо»? (Скуратова, Королькова, 2019, с. 25–26).

Таким образом, конструирование статуса электронного лица и наделение им САС представляется явно преждевременным, хотя по мере совершенствования и распространения этих систем дискутируемый вопрос будет подниматься снова и снова. Другое дело, что в их отношении можно попытаться использовать некие фикции, позволяющие приравнять САС к уже существующим субъектам правоотношений (Грачева, Арямян, 2020, с. 175). В связи с этим предлагается обратиться к англосаксонскому по происхождению, но поддерживаемому в континентальных правовых порядках концепту уголовной ответственности юридических лиц.

В данном случае применяется теория субститутивной ответственности, выражаемая в максиме *respondeat superior* (лат. «пусть отвечает вышестоящий»). Она означает, что корпорация может быть осуждена за совершение преступления, если соответствующее поведение осуществлялось ее агентом, действующим в ее интересах и от ее имени (Наумов, Кибальник, 2022, с. 100). Следовательно, субъектом ответственности выступает не само это лицо, действовавшее как *alter ego* корпорации, а непосредственно корпорация.

Применительно к международному уголовному праву это означает, что за «поведение» САС нести ответственность тоже будет кто-то другой. Однако, по мнению крупнейшего немецкого криминалиста Т. Вайгенда, аналогия с юридическим лицом не совсем корректна. Юридическое лицо мы наказываем за то, что оно не подготовило надлежащим образом своих работников и создало обстановку хаоса и вседозволенности (Weigend, 2023, pp. 1141–1142). В случае же с САС речь будет идти, скорее всего, о некоей технической ошибке, досадном сбое, а значит, кто в таком случае должен взять на себя ответственность? Производитель? Но, как заметил И. Маск, компании-производители не должны нести ответственность за аварии, в которые попадает автопилотируемый автомобиль, подобно тому как компания — производитель лифтов не должна нести ответственность в каждом случае останова лифта (Гаджиев, Войниканис, 2018, с. 26). Следовательно, вариант с приравниванием САС к юридическому лицу не решает ни одной проблемы, а только продуцирует новые. Сказанное вдвойне и втройне актуально для международного уголовного права,

которое после Нюрнбергского процесса 1945–1946 годов никогда более не признавало ответственность юридических лиц (так называемых преступных организаций). Как говорится в статье 25 Римского статута Международного уголовного суда (далее — МУС), последний обладает юрисдикцией в отношении физических лиц, которые несут индивидуальную ответственность.

Итак, если признавать САС самостоятельным субъектом ответственности нецелесообразно, а фикция юридического лица к ним слабо применима, кто же в таком случае должен быть наказан за промахи и ошибки этих систем, приводящие к нарушению стандартов МГП?

4. В поисках надлежащего субъекта ответственности

В немецкой уголовно-правовой литературе — нет нужды доказывать влияние немецкой доктрины на развитие международного уголовного права — после Второй мировой войны широкое распространение получила концепция «преступник за преступником» (нем.: *Täter hinter dem Täter*). Суть ее сводится к господству над деянием субъекта-исполнителя (так называемому опосредованному исполнению). Иными словами, если некто отдает приказ совершить преступление другому лицу, находящемуся в зависимости от первого или в его подчинении, то этот некто подлежит уголовной ответственности как соисполнитель преступления (фигура организатора немецкому уголовному праву незнакома) (Жалинский, 2006, с. 267–270).

Мысль, конечно, превосходная, но какое отношение она имеет к исследуемой теме? Думается, самое непосредственное.

Ранее мы писали об 11 руководящих принципах в отношении САС, одобренных консенсусом на 6-й Обзорной конференции КНО. Одним из них является принцип сохранения ответственности человека за их использование. Об этом же говорят материалы неправительственных организаций (например, *Article 36*), оперирующих термином «значимый человеческий контроль» (англ.: *meaningful human control*). Следовательно, какая-то степень контроля за действиями САС будет сохраняться. И хотя оценивая позицию приверженцев «значимого человеческого контроля» на рассмотрении доклада ГПЭ в ноябре 2022 года, представитель России оценил ее как «не имеющую отношения к праву и чреватую лишь политизацией дискуссии»¹⁰, тем не менее в той или иной форме она докажет свое право на существование. Так, англичане говорят о «соответствующем контексту участия человека» (Мельникова, 2024, с. 138).

¹⁰ URL: https://feed.svod.ru/entry?url=http%3A%2F%2Fmid.ru%2Fru%2Fforeign_policy%2Fnews%2F1981832%2F.

А это, в свою очередь, открывает возможность для вменения действий САС какому-либо физическому лицу, которое в состоянии быть субъектом ответственности по международному уголовному праву, как бы осуществляя свою преступную деятельность через или посредством САС.

Нечто подобное существует и в англосаксонском праве. Речь идет об ответственности по модели «совершение через другое лицо» (англ.: *perpetration by another*), которая уже применяется в делах об ИИ. В этом случае существуют два возможных субъекта ответственности: 1) программист, разработавший специальное программное обеспечение; 2) пользователь, владеющий юнитом ИИ и эксплуатирующий его для собственных противоправных интересов. Несмотря на то что деяние фактически совершается роботом (*actus reus*), презюмируется, что оно как бы совершается программистом или пользователем (Шестак, Волеводз, Ализаде, 2019, с. 550). Это немного напоминает подход, заложенный в статье 12 Конвенции ООН об использовании электронных сообщений в международных договорах, согласно которому физическое или юридическое лицо, запрограммировавшее компьютер, несет конечную ответственность за все сообщения, сгенерированные машиной.

Учитывая изложенное, за технологические дефекты САС, приведшие к грубым нарушениям МГП, отвечать будет производитель, а за неправомерное использование их непосредственно на поле боя — оператор или иное ответственное за эксплуатацию лицо, обладающее той или иной степенью «значимого человеческого контроля». Впрочем, и здесь есть свои подводные камни. Во-первых, в производство компьютерного софта на современном этапе вовлечена не одна, но ряд компаний, нередко из различных юрисдикций, обеспечивающих производственный цикл (феномен «размывания ответственности») (Мельникова, 2024, с. 134). Кто из них будет отвечать, в особенности учитывая, что международное уголовное право не признает ответственности юридических лиц, да и в национальных правовых системах она есть далеко не везде? А во-вторых, — и это главное — если мы используем конструкцию «совершение через другое лицо» или ее немецкий аналог, получается, что все-таки мы признаем САС «лицом», субъектом права, с помощью которого «человек за спиной» выполняет свою темную работу.

Обозначенные противоречия призваны преодолеть второй подход к вменению действий ИИ людям, именуемый в англосаксонской доктрине «естественным вероятным следствием» (англ.: *natural probable consequence liability*). В отличие от первого он не предполагает наличия ни *actus reus*, ни *mens rea* (субъективной стороны), выраженной в форме умысла программиста/пользователя. Но они должны предвидеть само

преступление или его последствие, они должны осознавать и разумно полагать, что совершение такого преступления потенциально может выступать результатом, вытекать из их ординарных функций (Шестак, Волеводз, Ализаде, 2019, с. 550). Нечто подобное предусматривает и Римский статут, указав в статье 30(2)(b), что лицо считается имеющим намерение в отношении последствия, если оно осознает, что последствие наступит при обычном ходе событий. Следовательно, если эту норму толковать буквально, то в отношении САС она может применяться в строго ограниченном наборе случаев, когда будет доказано, что производитель или оператор, сознавая пороки конкретной системы, полагал, что негативные последствия ее применения не могут не наступить, и все равно поставил производство этой системы «на поток» или отдал приказ на ее применение в бою. Однако такое случается крайне редко.

Возможно, еще одним способом решения проблемы может стать обращение к командной ответственности (статья 28 Римского статута). В соответствии с ней военный командир или лицо, эффективно действующее в качестве военного командира, подлежит уголовной ответственности за преступление, совершенное силами, находящимися под его эффективным командованием/властью и контролем, в результате неосуществления им контроля надлежащим образом над такими силами. Иначе говоря, командир будет ответственен за действия своих подчиненных, даже когда он не отдавал прямого приказа на совершение международного преступления, но неосуществление им должного контроля над своими подчиненными привело к тому, что такое преступление было совершено. Более лаконично эта мысль передана в немецком Кодексе международного уголовного права 2002 года: «Военный командир или гражданский начальник, который, бездействуя, не препятствует своим подчиненным совершить деяние, предусмотренное настоящим Кодексом, наказывается как исполнитель деяния, совершенного подчиненным» (§ 4)¹¹. Если удастся применить эту концепцию к поведению командиров, чьи подчиненные использовали САС во вред покровительствуемым лицам, их можно будет привлечь к ответственности даже в том случае, если эти командиры не предвидели (хотя должны были предвидеть) нарушения МГП в обстановке неизбирательного системного насилия.

Однако ряд ученых, в том числе Т. Вайгенд, не считают такой подход безупречным. Как вытекает из статьи 28, командная ответственность наступает за ненадлежащее управление «силами». Можно ли в качестве таковых рассматривать неодушевленные САС? Ученый отвечает на этот

¹¹ URL: <https://www.icrc.org/sites/default/files/external/doc/ru/assets/files/other/vstgb-russ.pdf>.

вопрос отрицательно. Корректнее дополнить процитированное положение Римского статута специальным условием, рассчитанным на использование этих систем: «командир должен нести ответственность за вред, причиненный САС, если он мог предвидеть, что САС собирается нанести серьезный вред лицам или объектам, защищаемым МГП» (Weigend, 2023, pp. 1150–1151). Но, в свою очередь, существует достаточно жесткий стандарт предвидения, развиваемый в практике МУС, в том числе в деле *Бембы* («знал или должен был знать, что эти силы совершили или намеревались совершить такие преступления»)¹². Способен ли командир, не имеющий зачастую технического образования и не искушенный в новейших видах вооружений, предвидеть, как поведет себя САС, когда даже разработчики не всегда могут это спрогнозировать? Как он просчитает абстрактную опасность применения системы, если возможности его контроля будут ограничены ее техническими характеристиками?

Следовательно, как и в случае с ответственностью по модели «естественное вероятное следствие», случаи привлечения к командной ответственности должны быть ограничены сугубо теми, когда на основании полученных данных командир мог предвидеть конкретный риск, связанный с применением САС. Т. Вайгенд, моделируя такую ситуацию, приводит пример с командиром, которому еще в ходе испытаний становится ясно, что система демонстрирует существенные дефекты (отклонение от заданного курса и т. п.), однако он все равно решает применить ее в боевой обстановке (Weigend, 2023, pp. 1150–1151).

Выводы

Ведущиеся в последние годы в публичном пространстве и на страницах научных журналов дискуссии о внедрении в военную организацию роботизированных систем, «роботов-убийц», не способных к жалости и эмпатии, свойственным человеку, являются знаменем времени. Несмотря на то что на 6-й Обзорной конференции КНО (Женева, 13–17 декабря 2021 года) удалось принять 11 руководящих принципов в отношении САС, они сформулированы самым общим образом, не предоставляя возможности поставить этот вид вооружений под контроль права.

В то же время давать готовые юридические «рецепты» в отношении САС крайне сложно, поскольку не до конца ясна степень автономности этих систем и реальные риски, которые они в себе несут. Ясно одно: за их функционированием должна сохраняться известная степень «значимого

¹² URL: https://www.icc-cpi.int/sites/default/files/CourtRecords/CR2016_02238.PDF.

человеческого контроля». В противном случае мы рискуем оказаться в ситуации, когда сами САС привлекать к ответственности нецелесообразно по причине несостоятельности конструкции «электронного лица», а военное командование будет открещиваться от любых обвинений по принципу «это не мы, это машина!».

Российская Федерация как суверенное государство вправе занимать любую позицию в отношении САС, избирать любые площадки для обсуждения возможности их ограничений. Единственное, чего не должна делать Россия, — это поощрять «лакуну безнаказанности», блокируя любые попытки поставить под контроль международной общественности ведущиеся разработки нового смертоносного оружия.

Пока мировая общественность не пришла к консенсусу относительно регулирования САС и механизмов ответственности за вред, ими нанесенный, в сфере МГП необходимо руководствоваться оговоркой Мартенса: «...в случаях, не предусмотренных принятыми постановлениями, население и воюющие остаются под охраною и действием начал международного права, поскольку они вытекают из установленных между образованными народами обычаев, из законов человечности и требований общественного сознания».

Список литературы / References

1. Батурин, Ю. М. (2024). «Вина» искусственного интеллекта за «ошибку» и проблема ядерной военной безопасности в контексте юридической топики. *Правопорядок: история, теория, практика*, (3), 12–19.
Baturin, YU. M. (2024). The “guilt” of AI for the “mistake” and the problem of nuclear military safety in the context of judicial topics. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika*, (3), 12–19.
<https://doi.org/10.47475/2311-696X-2024-42-3-12-19>
2. Батурин, Ю. М., Полубинская, С. В. (2022). Искусственный интеллект: правовой статус или правовой режим? *Государство и право*, (10), 141–154.
Baturin, Yu. M., Polubinskaya, S. V. (2022). Artificial intelligence: legal status or legal regime? *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, (10), 141–154.
3. Бегишев, И. Р. (2023). *Автономная робототехника в системе уголовно-правовых отношений*. Блок-Принт.
Begishev, I. R. (2023). *Autonomous robotics in the system of criminal law relations*. Blok-Print.
4. Даунинг, Т. (2020). *1983-й. Мир на грани*. РОССПЭН.
Downing, T. (2020). *1983. The world is at the brink*. ROSSPEN.

5. Великович, Б., Стюарт, К. (2024). *Дрон-убийца. Мемуары оператора боевого беспилотника*. Родина.
Velikovich, B., Styuart, K. (2024). *Drone-killer. Memoirs of combat drone operator*. Rodina.
6. Гаджиев, Г. А., Войниканис, Е. А. (2018). Может ли робот быть субъектом права? (поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики). *Право. Журнал ВШЭ*, (4), 24–48.
Gadzhiev, G. A., Voinikanis, E. A. (2018). Could a robot be a subject of law (in search of legal forms for a digital economy)? *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, (4), 24–48.
<https://doi.org/10.17323/2072-8166.2018.4.24.48>
7. Головкин, Л. В. (2021). М. С. Строгович и «искусственный интеллект»: о современной реинкарнации старых теорий и их этической ничтожности. *Судебная власть и уголовный процесс*, (3), 29–36.
Golovko L. V. (2021) M. S. Strogovich and AI: on the modern reincarnation of the old theories and their etic insignificance. *Sudebnaya vlast' i ugolovnyi process*, (3), 29–36.
8. Головкин, Л. В. (2019). Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция? *Вестник экономической безопасности*, (1), 15–25.
Golovko, L. V. (2019). Digitalisation in the criminal process: local optimisation or global revolution? *Vestnik e`konomicheskoy bezopasnosti*, (1), 15–25. <https://doi.org/10.24411/2414-3995-2019-10002>
9. Грачева, Ю. В., Арямов, А. А. (2020). Роботизация и искусственный интеллект: уголовно-правовые риски в сфере общественной безопасности. *Актуальные проблемы российского права*, 15(6), 169–178.
Gracheva, YU. V., Aryamov, A. A. (2020). Robotisation and artificial intelligence: criminal law risks in the field of public security. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*, 15(6), 169–178.
<https://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.115.6.169-178>
10. Евсеев, А. П. (2022). Бизнес и международное уголовное правосудие: эволюция взаимоотношений. *Международное правосудие*, 12(3), 96–116.
Evseev, A. (2022). Business and international criminal justice: the evolution of their relationship. *Mezhdunarodnoe pravosudie*, 12(3), 96–116.
11. Жалинский, А. Э. (2006). *Современное немецкое уголовное право*. Велби, Проспект.
Zhalinskiy, A. E. (2006). *The modern German criminal law*. Velbi, Prospekt.
12. Иванов, В. В. (1978). *Чет и нечет*. Сов. радио.

- Ivanov, V. V. (1978). *Odd and even*. Sov. radio.
13. Зауэр, Ф. (2021). В шаге от края пропасти: почему многостороннее регулирование автономности систем вооружения столь сложно, но необходимо и возможно. *Международный журнал Красного Креста*, 913, 305–334.
- Sauer, F. (2021). Stepping back from the brink: why multilateral regulation of autonomy in weapons systems is difficult yet imperative and feasible. *International Review of the Red Cross*, 913, 305–334.
14. Карпец, И. И. (1979). *Преступления международного характера*. Юрид. лит.
- Karpecz, I. I. (1979). *Treaty-based crimes*. Yurid. lit.
15. Люблинский, П. И. (1930). Преступления в области воздушного транспорта. Вопросы воздушного права. В кн. П. И. Баранов, В. А. Зарзар, Е. А. Коровин, В. Л. Лахтин, И. С. Перетерский, А. В. Сабанин (Ред.), *Вопросы воздушного права*, вып. 2 (с. 165–189). Госиздат.
- Lyublinskii, P. I. (1930). The crimes in the field of air transport. In P. I. Baranov, V. A. Zarzar, YE. A. Korovin, V. L. Lakhtin, I. S. Pereterskiy, A. V. Sabanin (Eds.), *Issues of air law*, iss. 2 (pp. 165–189). Gosizdat.
16. Медушевский, А. Н. (2024). Постгуманизм: научная теория, социальная утопия или новая идеология господства? Часть I. *Вопросы теоретической экономики*, (3), 171–185.
- Medushevskiy, A. N. (2024). Post-humanism: academic theory, social utopia or the new ideology of political dominance? Part I. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*, (3), 171–185.
- https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2024_3_171_185
17. Международный Комитет Красного Креста. (2022). Позиция МККК в отношении автономных систем вооружений. *Международный журнал Красного Креста*, (915), 445–463.
- International Committee of the Red Cross. ICRC position on autonomous weapon systems. *International Review of the Red Cross*, (915), 445–463.
18. Мельникова, Е. Н. (2024). Принцип ответственности контролирующего лица как основа для устранения «разрыва ответственности» за вред, причиненный искусственным интеллектом. *Московский журнал международного права*, (4), 132–145.
- Melnikova, E. N. (2024). Principle of responsibility of the controlling person as an approach to eliminating the “responsibility gap” for harm caused by AI systems and AI applications. *Moscow Journal of International Law*, (4), 132–145. <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2024-4-132-145>

19. Наумов, А. В., Кибальник, А. Г. (Ред.). (2022). *Уголовное право зарубежных государств. Общая часть: Учебник*. Юрайт.
Naumov, A. V., Kibal'nik, A. G. (Eds.). (2022). *The criminal law of foreign states. The general part: textbook*. Yurait.
20. Овчинский, В. С. (2020). *Криминология цифрового мира*. Норма: ИНФРА-М.
Ovchinskiy V. S. (2020). *The criminology of the digital world*. Norma: INFRA-M.
21. Пашин, С. А. (1990). Применение электронно-вычислительной техники и доказательственное право. В кн. Е. А. Суханов (Ред.), *Право и информатика* (с. 71–89). Изд-во МГУ.
Pashin, S. A. (1990). The use of computers and the evidence law. In E. A. Sukhanov (Ed.), *Law and informatics* (pp. 71–89). Izd-vo MGU.
22. Роксин, К. (1986). Основания уголовно-правовой ответственности и личность преступника. В кн. В. Г. Манашвили (Ред.), *Актуальные вопросы современного уголовного права, криминологии и уголовного процесса (второй сов.-западногерм. colloквиум)* (с. 19–34). Мецниереба.
Roksin, K. (1986). The grounds for criminal liability and the personality of the criminal. In V. G. Manashvili (Ed.), *The actual issues of the modern criminal law, criminology and criminal process (the second soviet-westerngerm. colloquium)* (pp. 19–34). Metszniereba.
23. Румянцев, А. (2023). Общество, право и грядущий мир роботов: вместе с людьми или вместо? *Сравнительное конституционное обозрение*, 157(6), 4–32.
Rumyantsev, A. (2023). Society, law, and the coming world of robots: cooperating with humans or replacing them? *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, 157(6), 4–32.
24. Скуратова, А. Ю., Королькова, Е. Е. (2019). Смертоносные автономные системы вооружений: проблемы международно-правового регулирования. *Российский юридический журнал*, 124(1), 22–30.
Skuratova, A. YU., Korol'kova, E. E. (2019). AWS: the problems of international legal regulation. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal*, 124(1), 22–30.
25. Холмс, С. (2013). Какая от этого польза Обама? *Сравнительное конституционное обозрение*, 97(6), 141–150.
Holmes, S. (2013). What's in it for Obama? *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, 97(6), 141–150.
26. Швабе, Ю., Гайсслер, Т. (Ред.). (2018). *Избранные решения ФКС Германии*. Инфотропик Медиа.

- Shvabe, YU., Gaissler, T. (Eds.). (2018). *Selected decisions of the German FCC*. Infotropik Media.
27. Шестак, В. А., Волеводз, А. Г., Ализаде, В. А. (2019). О возможности доктринального восприятия системой общего права искусственного интеллекта как субъекта преступления: на примере уголовного законодательства США. *Всероссийский криминологический журнал*, 13(4), 547–554.
- Shestak, V. A., Volevodz, A. G., Alizade, V. A. (2019). On the opportunity of doctrinal perception by the system of common law AI as the subject of crime: on the example of the US criminal legislation. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal*, 13(4), 547–554.
[https://doi.org/10.17150/2500-4255.2019.13\(4\).547-554](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2019.13(4).547-554)
28. Широкоград, А. Б. (2024). *СВО. Два года противостояния*. Вече.
Shirokorad, A. B. (2024). *Special military operation. Two years of confrontation*. Veche.
29. Acquaviva, G. (2022). Autonomous weapons systems controlled by artificial intelligence: a conceptual roadmap for international criminal responsibility. *The military law and the law of war review*, 60(1), 89–121.
<http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4070447>
30. Eser, A. (2021). Collateral killings of civilians: reflecting recent German judgments on co-responsibility for foreign drone attacks. In K. Ghanayim, Y. Shany (Eds.), *The quest for core values in the application of legal norms* (pp. 237–257). Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-030-78953-4_14
31. Hassan, F. M., Osman, N. D. (2023). AI-Based Autonomous Weapons and Individual Criminal Responsibility Under the Rome Statute. *Journal of Digital Technologies and Law*, 1(2), 464–480. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.19>.
32. Sauer, F. (2021). Lethal autonomous weapons systems. In A. Elliott (Ed.), *The Routledge social science handbook of AI* (pp. 237–250). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780429198533>
33. Swart, M. (2023). Constructing “electronic liability” for international crimes: transcending the individual in international criminal law. *German Law Journal*, 24(3), 589–602. <https://doi.org/10.1017/glj.2023.28>
34. Weigend, T. (2023). Convicting autonomous weapons? *Journal of International Criminal Justice*, 21(5), 1137–1154.
<https://doi.org/10.1093/jicj/mqad037>